

LEGALITAS REGNORUM FUNDAMENTUM

РОССИЙСКАЯ ЮСТИЦИЯ

Журнал основан в 1922 г.

№ 4 (апрель 2011 г.)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ
И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЗАКОННОСТЬ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

ВАЖНЕЙШИЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

РАЗУМНЫЕ СРОКИ СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ
С ПОДПОЛЬНЫМ ИГОРНЫМ БИЗНЕСОМ

Legalitas regnorum fundamentum

Законность — основа государства

РОССИЙСКАЯ
ЮСТИЦИЯ

4

Апрель 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Президента РФ,
Верховный Суд РФ,
Министерство юстиции РФ

Главный редактор
В.В. Максимов

(E-mail: maksimov@cdep.ru)

ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Издательская группа «Юрист»»

Адрес издательства:
115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55 стр. 7.
Тел./факс: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Типография ООО «Национальная
полиграфическая группа»

Подписано в печать 14.03.2011 г.

Тираж 7100 экз.

«Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение» (Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», статья 42).

Рукописи не возвращаются.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

В соответствии с Положением «Об авторском вознаграждении (гонораре) в объединенной редакции

ООО «Издательская группа «Юрист»» выплата авторского вознаграждения (гонорара) производится в том случае, если это прямо предусмотрено условиями гражданско-правового договора заказа (авторского договора), заключенного с авторами уполномоченными представителями ООО «Издательская группа «Юрист»».

Использование материалов в других изданиях допускается только с письменного согласия редакции. Ссылка на журнал обязательна.

© «Российская юстиция», 2011

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Д. МЕДВЕДЕВА НА КООРДИНАЦИОННОМ СОВЕЩАНИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

За последнее время в правоохранительной сфере происходили довольно существенные изменения. Мы реформируем Министерство внутренних дел, укрепляем другие правоохранительные, силовые структуры, специальные службы. 15 января я подписал Федеральный закон, в соответствии с которым образован Следственный комитет России. С 1 марта вступает в законную силу закон «О полиции». С учетом анализа правоприменительной практики скорректированы полномочия целого ряда других государственных органов включая органы прокуратуры, совершенствуется уголовно-исполнительная система. Все эти меры направлены на то, чтобы правоохранительная система была более современной, более надежной и, естественно, в большей степени ориентированной на защиту наших граждан от беззакония и коррупции.

Хотел бы ориентировать вас на решение целого ряда приоритетных задач.

Первая задача, которая исключительно важна в современных условиях, — это повышение уровня антитеррористической безопасности.

Во всех регионах должны регулярно проводиться антитеррористические учения. Не от случая к случаю и не после каких-то печальных событий, а именно регулярно, как это делается во всем мире. Это единственный способ профилактики такого рода действий.

МВД обязано повысить требования к качеству работы сотрудников.

Второе. Более результативной должна быть борьба с преступностью. Особое внимание, конечно, нужно уделить организованной преступности. С криминальными группировками в регионах нужно последовательно и жестко разбираться — не своих защищать, а последовательно и жестко разбираться.

Третье. Нужно усилить меры профилактики преступности, в том числе рецидивной преступности, при необходимости дополнить законодательство новыми требованиями. У нас до сих пор нет таких эффективных норм, которые позволяют контролировать тех, кто уже неоднократно преступал закон. Эффективного контроля нет. Однако и наш, и зарубежный опыт показывают, что такой контроль достаточно существенно снижает риск повторных преступлений. Особый акцент в профилактике нужно сделать, конечно, на несовершеннолетних.

Важно сделать все, чтобы оградить несовершеннолетних от втягивания в криминальную среду. И это, конечно, прежде всего забота региональных и местных властей.

Четвертое. Люди ждут положительных изменений в охране общественного порядка. В этом контексте более эффективной должна стать профилактика экстремизма.

Пятое. Ключевой задачей Министерства внутренних дел, органов Прокуратуры, Следственного комитета, Федеральной службы безопасности остается противодействие коррупции.

Законы должны быть едины для всех. И те, кто их преступает, должны нести ответственность независимо от занимаемой должности, где бы они ни работали.

По материалам сайта: <http://kremlin.ru>

делу доказательств, таких как относимость, допустимость, достоверность и т.д.

Все это, в свою очередь, может свидетельствовать об отсутствии в гражданском процессуальном законодательстве гарантий, обеспечивающих право граждан на справедливый и равный суд. С учетом того, что законодателем принят смешанный вид апелляции, оптимальным было бы оставление действующей в настоящее время редакции ст. 327 ГПК о том, что суд апелляционной инстанции вправе устанавливать новые факты и исследовать новые доказательства. Эта правовая норма, являясь универсальной, отвечает целям обоих видов апелляции, уравнивает права граждан на судебную защиту, тем более она уже прошла соответствующую апробацию в работе судов апелляционной инстанции и доказала свою эффективность.

В доктрине процессуального права указывается, что как гражданское, так и арбитражное процессуальное законодательство в принципе склоняется к модели полной апелляции⁶, более того, в судебной практике

идея неполной апелляции трансформируется в апелляцию полную⁷. С учетом этого следует надеяться, что на практике этот недостаток в законодательном урегулировании будет компенсироваться тем, что суды второй инстанции, независимо от того, по каким правилам рассматриваются дела, будут принимать все представленные сторонами доказательства.

На самом деле, суду, принимающему все представленные доказательства при проверке решений судов первой инстанции по основаниям, предусмотренным ч. 5 ст. 330 Закона, трудно будет отказаться от принятия новых доказательств при рассмотрении дел на основании положений ст. 327 Закона.

Вместе с тем, несмотря на изложенное, внесенные в ГПК изменения послужат дальнейшему повышению эффективности гражданского судопроизводства, роли судов второй инстанции, создадут необходимые правовые гарантии в защите законных прав, свобод и интересов граждан, организаций.

¹ Дегтярев Л.С. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М., 2007. С. 48, 205.

² Борисова Е.А. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе: изменения в ГПК РФ // Закон. 2009. № 12. С. 171

³ См. более подробно: Шакирьянов Р.В. Основания направления гражданских дел судами апелляционной инстанции на новое рассмотрение мировым судьям // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 30-33.

⁴ Алиэскеров М.А. Предварительное судебное заседание в апелляционном производстве // Современное право. 2009. № 2. С. 15-17.

⁵ Шакирьянов Р.В. Проблемы расширения полномочий суда кассационной инстанции в стадии подготовки дел к судебному разбирательству // Российский судья. 2009. № 5. С. 6-8.

⁶ Пацация М.Ш. О полной и неполной апелляции в арбитражном процессе // Законодательство и экономика. 2005. № 12. С. 29.

⁷ Борисова Е.А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М., 2006. С. 143.

ЗАКОННОСТЬ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

В.М. ШАФИРОВ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Ключевые слова: права и свободы, право, законность, правовое государство

В статье проблема законности рассматривается с позиций современного понимания права. Автор обосновывает положения о необходимости в процессе строительства правового государства выделять и соблюдать содержательные, а не только формальные требования законности.

In this article the problem of legitimacy is considered from the standpoint of the modern understanding of law. The author substantiates the necessity of a process of building a legal state to allocate and keep meaningful and not just the formal requirements of legality.

Конституция провозглашает Россию как правовое государство. Настоящая юридическая новелла не

констатация достигнутого результата, поскольку правовое государство еще только строится. Важно понимать главное, его строительство нельзя замедлять или откладывать на будущее, оно должно последовательно осуществляться в наше время и самым эффективным образом. Конституция закрепила основные принципы построения правового государства. Их ядро составляют положения: человек, его права и свободы — высшая ценность; права и свободы являются непосредственно действующими; права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления.

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина выделяется в числе важнейших обязанностей государства. Данная обязанность может быть реализована, если в стране прочно утвердилось понимание необходимости соблюдения и исполнения Конституции РФ, федеральных законов, т.е. реально действует и такой принцип правового государства, как принцип законности.

Законность — одно из фундаментальных понятий юридической науки и практики. При различии определений законности (как принцип, режим, метод), большинство авторов сходятся в том, что суть законности

состоит в требовании строгого и неуклонного осуществления всеми субъектами законов и подзаконных нормативных актов. Требование строгости означает не допустимость никаких отклонений от предписаний нормативных актов, а требование неуклонности — устанавливает постоянство и неизменность данной линии поведения.

Субстанцией законности выступает именно закон. Поэтому сам термин «законность» произведен от термина «закон». При таком видении основополагающего в законности стали аксиоматичными слова: закон есть закон; закон суров, но это закон; пусть рушится мир, но торжествует закон; закон закрепляет только то, что является правом; нужна диктатура закона; даже законы, содержащие величайшую глупость, надо соблюдать. В столь категорических формулировках есть определенные основания. Мировой и отечественный опыт знает массу трагических фактов пренебрежения законами. В литературе высказывалось суждение, что законность, выступая в виде руководящего начала, в какой-то мере становится определяющим по отношению к праву. Была даже попытка в противовес теории правового государства обосновать для социалистического общества концепцию государства законности (точнее — строжайшей законности).

Но, известно и другое, когда законы не только не спасали, а с их помощью творилось зло, причинялись неисчислимые страдания людям. Подтверждение тому — как трагический опыт «законоподательствования» фашистских государств, так и наш собственный в период сталинского правления. Репрессивные законы, доминирующие в законодательстве тоталитарных режимов, есть по своей сути антиправовые, поскольку унижают человеческое достоинство, сводят на нет его права и свободы. В таких условиях закон перестает защищать человека от произвола власти. Наоборот, произвол и насилие возводятся в ранг закона. Причём всё это укладывалось в рамки закона. Производство законов было поставлено на поток, и репрессивная государственная машина неуклонно проводила их в жизнь. Так что о незаконности (отсутствии законов) и их несоблюдении в тоталитарном государстве говорить не приходится.

Следовательно, абсолютизация закона, законности, утверждение не оправданной их исключительности, приводящей к возвышению их над правом путь непродуктивный. Не случайно, попытка создать государство строжайшей законности не была реализована. Вместо нее активно стала продвигаться идея правового государства, ставшая конституционным идеалом. Дело в том, что формалистический (представляющий наиболее жесткий вариант юридического позитивизма) подход к праву, законности плохо сочетается с сущностью правового государства. В фундаменте юридического позитивизма лежат идеи о праве как строгом, формальном, чисто внешнем, ограничивающем свободу, обязательно-принудительном явлении. Человеку в таком праве отводится малозаметная, зависимая роль. Поэтому для блюстителей законности нет важнее задачи, чем любым путем добиться законопослушания со стороны граждан. Они также не обязаны рассуждать о справедливости, разумности принимаемых решений, одобрено будет все, что формально соответствует букве закона.

В условиях формирования правового государства требуется иное понимание права, законности для

которых мерой всех вещей действительно выступает благополучие социально-правовой жизни каждого конкретного гражданина. Речь идет не просто об учете, уважении интересов личности, а о человеческом измерении права. Поэтому концентрированно современная (естественно-позитивная) концепция правопонимания воплощена в конституционном положении о высшей ценности человека, его прав и свобод. Именно оно должно быть определяющим при проведении в жизнь принципа законности.

Но тогда, необходимо признать, что не каждый закон можно считать правовым. Признание наличия не правовых законов не подрывает основ законности. Ее фундаментальное, всеобщее, универсальное значение ревизии не подлежит. Больше вреда ее престижу в обществе наносит категорическое требование следовать закону, даже противоречащему Конституции. Такое требование является столь же не приемлемым, как и идея И. Канта об этической автономии или самозаконности в области права. Выдающийся мыслитель писал: «Дефиниция моей внешней (правовой) свободы... гласит так: эта свобода есть правомочие не повиноваться никаким внешним законам, кроме тех, на которые я бы мог дать своё согласие»¹. Законность разрушает как формализм, так и усмотрение, не опирающееся на объективные законодательно закрепленные критерии.

Конечно, речь не идет об отказе от формальных требований законности. Без таких ее требований, как точно и неуклонно соблюдать и исполнять законы всеми, кому они адресованы; соблюдать иерархию законов и иных нормативных актов; соответствия актов применения нормативным актам и т.п. просто не обойтись. И все же неправильно связывать законность только с формальными требованиями. Опора на формальные требования законности (законности ради буквы), неизбежно ведет к тому, что любой закон, даже несправедливый, ущемляющий права и свободы, следует принимать за правовой. Приоритетное значение должны иметь содержательные требования законности: верховенство права, верховенство правового закона, соблюдения и уважения прав и свобод человека, справедливости и разумности применения права, культурности правотворческой и право-реализующей деятельности. Единство содержательных и формальных требований дает основания говорить не просто о законности, а о правозаконности или конституционной законности.

Требования правозаконности должны распространяться на всех субъектов, в том числе и на законодателя. Законодатель должен не только закреплять принцип законности, но быть образцом для всех остальных, в реализации ее требований на практике. Но на уровне нормотворчества не такая уж редкость — ущемление, ограничение прав и свобод. В этом не сложно убедиться, если обратиться к практике Конституционного Суда РФ, ежегодным докладам Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, периодической печати. В кругу причин издания неправовых законов последнее место занимает то, что закон в большей степени рассматривается с формально-юридической позиции. В то же время юридический закон, прежде всего — разновидность общественного закона, под которым понимаются объективно существующие необходимые, повторяющиеся и устойчивые связи (отношения) в обществе и внутри самого права. Из этого следует исходить

при характеристике закона как нормативного правового акта, обладающего высшей юридической силой. Такое видение будет побуждать законодателей на всех стадиях законодательного процесса глубоко прорабатывать проект закона, уже и с содержательной, а не только с формальной юридической стороны. В правовом законе должны быть органично соединены естественное и позитивное право, т.е. содержание, исходящее из природы человека, и содержание, определяемое государством. Однако права и свободы, как требует Конституция, должны определять смысл, содержание принимаемых законодателем законов.

К сожалению, взгляд на юридический закон как на вид общественного закона, имеющий объективный, необходимый характер не получил должного осмысления и признания. Субъективный, формально-юридический подход в ходе подготовки и принятия правовых норм пока еще доминирует. Отсюда необходимо четко определить рамки усмотрения в нормотворческой деятельности. Субъективная составляющая в нормотворчестве, конечно, важна. Без нее немыслимо совершенствование и развитие правового регулирования. Даже закон всемирного тяготения люди сумели дополнить, развить в целях освоения космоса, но это сделано во благо технического и социального прогресса. Чего не скажешь о «творчестве», в результате которого в нормативных документах закрепляются: абстрактно сформулированные цели, задачи правового регулирования, популистские, противоречивые, дублирующие правила поведения; вводится в действие закон без пакета, обеспечивающих его «работу» актов; принимается закон с плохо просчитанными социальными последствиями его реализации, не прошедший необходимую апробацию и т.д. Перечисленные и им подобные факты ведут к ущемлению, ограничению прав и свобод, и, как следствие противоречат требованиям конституционной законности, а следовательно, положениям внутренних законов самого права. Все это ухудшает качество социально-правовой жизни людей.

Вот конкретный пример. Конституционный Суд по жалобам граждан проверял соответствие Основному закону ряда статей Закона «О занятости населения в РФ». Было установлено, что оспариваемые нормы закона о занятости вводят для граждан различные правила начисления пособия по безработице — в зависимости от того, с каким работодателем (организацией или индивидуальным предпринимателем) они состояли в трудовых отношениях. При этом критерии, положенные законодателем в основу дифференциации правил определения размера пособия по безработице, не являются объективными и не имеют разумного оправдания. В результате лицам, относящимся к одной и той же категории, не обеспечивается равная социальная поддержка на период поиска новой работы. Общий вывод, что оспариваемые нормы закона о занятости не соответствуют Конституции Российской Федерации².

Нужен новый, не только формальный, а и содержательный взгляд на проблему законности в процессе применения права. Это относится к безоговорочно принимаемому на практике требованию о необходимости всегда строго исходить из буквы закона или даже буквы отдельной нормы. Приведенная позиция расходится с содержанием известной формулы: «В демократии не человек существует для закона, а закон существует для человека», законом здесь является человеческое

бытие. Ориентируясь лишь на «формальную целесообразность», стоящие на страже законности органы власти, должностные лица вовсе не обязаны вникать во все особенности, сложности возникшей для человека ситуации, а тем более задумываться о последствиях такого рассмотрения. Их основная задача — действовать самим строго и неукоснительно в рамках установленных правил и обеспечивать законопослушание со стороны граждан. В данной «правовой» атмосфере нетрудно превратиться в бездушных формалистов, буквоедов, безусловно относящихся к нуждам людей.

Обратимся к примеру. Исходя из смысла п. 4 ст. 292 ГК РФ (в редакции от 30 декабря 2004 г.) при отчуждении родителями жилого помещения, собственниками которого они являются и в котором проживают их несовершеннолетние дети, согласия органа опеки и попечительства не требуется. Формулируя такую редакцию ст. 292 ГК РФ, законодатель исходил из презумпции добросовестности родителей. Однако имеется много жизненных ситуаций, когда отец либо мать использовали свое право в ущерб несовершеннолетним членам семьи. В результате после введения в действия данной статьи тысячи детей, ставшие бывшими членами семьи собственника, лишились жилья. Суды общей юрисдикции, формально понимая требования законности, отказывали в удовлетворении исков о признании недействительными заключенных договоров купли-продажи.

Конституционный Суд РФ при проверке соответствия Конституции п. 4 ст. 292 ГК РФ, в частности, отметил: «Нарушен или не нарушен баланс... прав и законных интересов — при наличии спора о праве... должен решать суд, который правомочен, в том числе с помощью гражданско-правовых компенсаторных или правовосстановительных механизмов, понудить родителя — собственника жилого помещения к надлежащему исполнению своих обязанностей, связанных с обеспечением несовершеннолетних детей жилищем...»³ И так, не смотря на то, что анализируемый п. 4 ст. 292 ГК РФ прямо не предписывает суду разбираться в условиях жизни несовершеннолетнего ребенка (это обязанность лежит на органах опеки и попечительства), он не должен устраниваться от защиты жилищных прав несовершеннолетнего.

Исследовав материалы дела, Конституционный Суд постановляет: «Признать пункт 4 статьи 292 ГК Российской Федерации... не соответствующим Конституции Российской Федерации... в той мере, в какой содержащееся в нем регулирование — по смыслу, придаваемому ему сложившейся правоприменительной практикой, — не позволяет при разрешении конкретных дел, связанных с отчуждением жилых помещений, в которых проживают несовершеннолетние, обеспечивать эффективную государственную, в том числе судебную, защиту прав тех из них, кто формально не отнесен к находящимся под опекой или попечительством...»⁴

В связи с этим трудно согласиться с утверждением одного из участников, выше описанного заседания Конституционного Суда о том, что «действующее законодательство исходит из добросовестности родителей..., но законодательство не содержит механизма гарантий прав ребенка на жилище в случае недобросовестности родителя»⁵.

Ссылка на законодательство здесь неуместна. Гарантией в обеспечении права ребенка на жилище

является руководство не только формальными, а содержательными требованиями законности. Для этого необходимо было обратиться к смыслу права, законодательства, регулирующего отношения в области прав ребенка на жилище. Иными словами, суду следовало установить не только смысл отдельной нормы (ст. 292 ГК РФ), но и обратиться к смыслу законодательного регулирования по данному вопросу. Предметом анализа должны были стать разнообразные нормативно-регулятивные средства: нормы, принципы, цели, задачи права, правовые понятия, презумпции и т.д., из которых вместе взятых и вытекает смысл правового регулирования жилищных прав несовершеннолетнего. Такой уровень правопонимания, соблюдения законности суду общей юрисдикции оказался не под силу.

Другой не менее важный вопрос — о недопустимости для субъекта применения права, пока закон не отменен, ставить свое мнение выше действующего закона. Закон превращается в своеобразную вещь «для себя», в некую абстрактную абсолютную ценность. Правоприменитель же перед законом обречен на пассивность. Его главная задача — во имя сохранения закона безропотно, не задумываясь следовать формальным категорическим предписаниям, даже если они несправедливы, неразумны и антигуманны. Такое допустимо лишь в тоталитарном государстве, но не для общества, вставшего на путь строительства правового государства.

В аспекте правозаконности или конституционной законности следовать закону, пусть даже надлежащим образом юридически оформленному, но содержательно ущербному, вряд ли правомерно. И это, еще раз подчеркнем, вовсе не призыв к всеобщему непослушанию, к беспорядкам, анархии. Такая оценка могла иметь место во времена, когда права человека не признавались самостоятельной ценностью и противопоставлялись правам гражданина, когда Конституция рассматривалась не иначе как политическая декларация, а не нормативный правовой акт прямого действия.

Сегодня сложилась иная правополитическая ситуация. Права и свободы человека, закрепленные в международных правовых документах, Конституции РФ, имеют непосредственное юридическое значение, служат нормативной основой, правовым критерием в процессе реализации права. Это и позволяет при решении конкретного юридического вопроса (дела) в случае сомнения по поводу соответствия закона (его отдельной нормы) правам человека руководствоваться не действующим, вызывающим сомнение законом (его отдельной

нормой), а принципами и нормами международного права, Конституции, закрепляющими положение о правах человека.

На это ориентирует суды и Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 31 октября 1995 г. (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». В документе подчеркивается: «Все конституционные нормы имеют верховенство над законами и подзаконными актами, в силу чего суды при разбирательстве конкретных судебных дел должны руководствоваться Конституцией Российской Федерации...

«Суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности:

....в) когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции Российской Федерации, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции...»⁶

Подход к законности, сочетающий соблюдение ее содержательных и формальных требований в деятельности законодательных и правоприменительных органов, является необходимым условием для утверждения в общественном правосознании отношения к законности как ценности. Однако такая практика еще не стала широко распространенной. Нередки случаи, когда, например, решение суда выглядит формально правильным, а по существу является издевательством, или когда на словах должностное лицо заявляет, что чисто по-человечески, по справедливости, оно на стороне гражданина, и все же вынуждено отказать, поскольку обязано точно следовать закону. При этом представитель власти даже не пытается найти в данной ситуации разумный правовой выход. Это одна из серьезных причин, из-за которой множатся жалобы в вышестоящие инстанции. В результате, вместо укрепления законности происходит усиление позиций правового нигилизма в обществе.

Таким образом, проблема законности должна решаться на основе современного правопонимания. Новый образ права, формируемый под углом зрения человеческого измерения, позволит раскрыть неразрывную связь законности со справедливостью и разумностью, воспитать чувство законности, показать преимущества жизни по закону, вести эффективную борьбу с правовым нигилизмом. Вот тогда законность действительно будет восприниматься как ценность, без которой невозможно строительство правового государства.

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. М., 1994. С. 375.

² См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 6. С. 10.

³ Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 25. С. 27.

⁴ Там же. С. 27-28.

⁵ Шоломицкая А., Закатнова А. Квартира на кону // Российская газета. 2010. 17 мая.

⁶ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (ред. от 6.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1. С. 3-6.